

После дневного сна Лу Цинцзю почувствовал, что усталость ушла без следа. Заметив, что время уже позднее, он заставил себя подняться и принялся готовить ужин.

Инь Сюнь вернулся домой совсем затемно – в чертах его лица затаилась сдержанная горечь. Лу Цинцзю решил, что причина в уколе и капельнице, и не стал вникать глубже. Ему и в голову не приходило, какие смертельные угрозы сыплются на голову его жалкого приёмного сына.

После отъезда Цзян Бухуаня их жизнь вернулась в прежнее мирное русло. Домашние хлопоты не переводились: фермерская работа тянулась бесконечной чередой, а две розовые свинки, купленные вместе с Сяо Хэй и Сяо Хуа, заметно подросли. Те двое всё ещё походили на поросят, а розовые уже превратились во взрослых свиней. Чтобы они пережили зиму, Лу Цинцзю велел Инь Сюню каждый день жечь для них уголь и даже подогревать еду. По словам Инь Сюня, он выходил этих свиней, как малых детей: бегал за ними с тряпкой, подтирал, когда они какали или мочились.

«Хочешь что-нибудь им сказать напоследок?» – спросил Лу Цинцзю у Инь Сюня. Целый год растили этих больших розовых свиней, и те уже почти достигли зрелости. Если держать их дольше, мясо загрубеет, так что решили выбрать благоприятный день и забить.

«Хочу, – ответил Инь Сюнь. – Надеюсь, их мясо будет вкусным».

Лу Цинцзю: «...» Он снова вспомнил свинью Сяо Хуа, безвременно ушедшую в юном возрасте.

Раз уж решили есть мясо, задача по забою легла на их плечи. Деревня была маленькой, скотобойни здесь не водилось – каждый резал свою скотину сам. Хотя Лу Цинцзю и резал кур, с таким крупным зверем, как свинья, он никогда не имел дела. Увы, расспросив соседей о процессе, он так перепугался, что не решился братья сам.

«Думаю, свинью надо привязать к стулу, а потом заколоть, – оживлённо подпрыгивал Инь Сюнь, держа нож, одолженный у соседей. – Крови брызнет немного, а потом она успокоится...»

«...Может, ты попробуешь? А я помогу – подержу свинью».

«Я никогда не убивал, – тихо промолвил Инь Сюнь. – И свинья тяжелее меня».

Лу Цинцзю: «...»

Они уставились друг на друга, потом взгляды одновременно метнулись в одну точку – к сидящему во дворе Бай Юэху.

Лу Цинцзю, сжимая нож, медленно приблизился к нему: «Ху-эр».

Бай Юэху открыл глаза: «Свинью зарезать?» – Он слышал их разговор.

«М-м... Да».

«Хорошо». – Бай Юэху поднялся с кресла-качалки и взял нож из рук Лу Цинцзю. Направившись к свинарнику, он не оглянулся. Лу Цинцзю поспешно схватил таз и последовал за ним: свиная кровь – отличная вещь, из неё выйдет прекрасная кровяная колбаса.

Бай Юэху с ледяным выражением лица подошёл к загону. Он протянул руку и вытащил одну свинью. Другим приходилось нанимать нескольких здоровяков, чтобы удерживать животное, но ему не требовалась помощь. В его руках огромная жирная свинья весом в несколько сотен цзинь билась не сильнее крохотного зверька. Чистый нож вошёл – красный нож вышел. Та холодная решимость на его лице заставила Инь Сюня, наблюдавшего со стороны, почувствовать странный холодок на шее. Он невольно отступил на несколько шагов.

Бай Юэху оказался умелым мясником – закончив, он не забыл разделить тушу. Свиная быстро превратилась в несколько крупных кусков. Лу Цинцзю отдал одну свиную ногу семье Ли Сяоюя, а из остального решил приготовить огромный ужин.

В отличие от мяса, купленного в городе, домашняя свинина была отменного качества и невероятно вкусной. Лу Цинцзю вырезал свиную грудинку и поджарил дважды приготовленную свинину. Затем сварил суп из свиных ножек, замариновал все четыре ноги и уши. Мясо со свиной головы подал как холодную закуску. Одним словом, каждая часть туши пошла в дело.

В мясе свиней, которых кормили не зерном, а кормом, жира было гораздо меньше, но вкус оказался богаче. Оставшиеся кусочки сала можно было превратить в закуску, просто посыпав сахаром.

После забоя в доме стало так весело, будто наступил Новый год. Даже Сяо Хэй и Сяо Хуа получили свои большие варёные свиные кости и с наслаждением их грызли.

Наступил апрель – дни стали теплее, одежды на них было всё меньше. Вечером Лу Цинцзю вынес во двор замаринованные днём свиные уши и ножки, достал несколько бутылок холодного пива. Они втроём болтали, сидя во дворе и закусывая. После маринада свиные ножки и уши стали мягкими и упругими. Любители острого могли макнуть их в порошок чили с кунжутом и другими специями.

День выдался на редкость погожим, луна – круглой, а атмосфера во дворе – уютной. Бай Юэху не любил пить, но с интересом налегал на маринованное мясо. Рядом Инь Сюнь рассказывал забавные случаи из жизни горного бога: как некоторые родители, не желая растить ребёнка, нарочно вели его в горы и бросали там, а он помогал малышу найти дорогу и благополучно спускался вниз.

Услышав это, Лу Цинцзю нахмурился и хотел спросить, откуда берутся такие безответственные родители, как вдруг с неба донёлся оглушительный грохот – словно обрушилась гора, отчего у Лу Цинцзю зазвенело в ушах. Бай Юэху, до этого безмятежно сидевший в кресле-качалке, внезапно изменился в лице: «Оставайтесь дома, никуда не ходите».

«Что случилось?» – поспешно спросил Лу Цинцзю.

Бай Юэху покачал головой: «Пока не знаю. Я пойду посмотрю». – Он встал, и вокруг него сгустилось облако чёрного тумана, затем он исчез прямо на глазах у Лу Цинцзю.

Лу Цинцзю никогда не видел Бай Юэху таким мрачным и спросил: «Что же всё-таки происходит?»

«Кажется, небо расколосось...» – ошеломлённо прошептал Инь Сюнь.

«Небо расколосось?!»

Лу Цинцзю посмотрел в ту сторону, куда глядел Инь Сюнь, и увидел, что небо и правда будто треснуло. В тёмной вышине появилась невероятно длинная алая вспышка. Этот свет пронзил небо, оставив за собой ослепительный след. Но в луче, казалось, собирались чёрные тучи, словно что-то должно было вырваться наружу. От этого зрелища на душе становилось тревожно.

Лу Цинцзю и Инь Сюнь застыли, потрясённые увиденным. Даже не понимая, что значит это свечение, они чувствовали: ничего хорошего. Тёмные тучи безостановочно хлынули из света, будто небо дало течь.

Беспокойство в сердце Инь Сюня нарастало: «Цинцзю, давай вернёмся в дом».

«Хорошо».

Они покинули двор, зашли в дом и закрыли все двери и окна.

Алое свечение постепенно ширилось. Лу Цинцзю наблюдал за ним издали, ожидая новых перемен. Инь Сюнь, более чуткий, к тому времени уже не смел выглядывать наружу – он свернулся калачиком в углу дома, его тело неудержимо дрожало.

Заметив его состояние, Лу Цинцзю тревожно спросил: «Ты в порядке, Инь Сюнь?»

«Я... я в порядке, – проговорил Инь Сюнь дрожащим голосом. – Цинцзю, ты... знаешь... в тот год, когда умерли твои родители, в небе тоже было такое зарево».

Лу Цинцзю замер в шоке.

Инь Сюнь опустил голову: «После этого непрерывно шёл дождь. Я ничего не чувствовал».

Он был горным богом этих гор, чувствовал каждую травинку, каждое дерево, но в тот миг, когда появилось это свечение, его связь с горами оказалась заблокирована странной силой. Его духовное зрение ничего не видело.

Лу Цинцзю вспомнил смерть родителей. Всё это время он думал, что это был несчастный случай. Даже после того, как старый дуб зародил в нём сомнения и он вернулся в деревню Шуйфу, он не нашёл ничего необычного. Только в день рождения, открыв деревянную шкапулку, оставленную бабушкой, он узнал, что смерть родителей не была случайностью.

Помимо Шуйфу были и другие земли. Что это за другие земли? Может быть, тот мир, куда его привёл Бай Юэху? Или нечто иное?

Небо должно было быть тёмным, но пронзающее сияние озаряло половину небосвода. В этой странной сцене вся деревня Шуйфу погрузилась в абсолютную тишину. Ни один житель, казалось, не заинтересовался небесным явлением – двери всех домов были плотно закрыты, недвижимы, словно могилы.

Инь Сюнь не знал, что происходит, но его инстинкты вопили, и его охватил неопиcуемый ужас. Он боялся этого сияния – вернее, того, что вот-вот выплеснется из него.

Лу Цинцзю было немного легче. Он сидел у окна, не отрываясь глядя на свечение. Оно становилось всё шире, и из него выливалось всё больше тёмных облаков. А затем что-то приблизилось к свету, закрывая прореху своим телом.

Подсвеченный силуэт не позволял Лу Цинцзю разглядеть существо в деталях, но по очертаниям оно напоминало дракона. Он вглядывался в небо, и догадка уже зрела в его сознании: этот драконоподобный зверь – не кто иной, как ленивый обитатель его дома, Бай Юэху.

Но что он делает? И что означает это свечение? Тревога сжала сердце Лу Цинцзю. Он знал: раны Бай Юэху ещё не затянулись. Если ему придётся вступить в новый бой, выдержит ли его тело? Лу Цинцзю терзался страхом, но был всего лишь смертным. Всё, что он мог предложить, – ничтожно мало. Он лишь станет обузой, заставив Бай Юэху отвлекаться на его защиту.

Он не знал, что задумал Бай Юэху, но небесное сияние начало меркнуть. Небо медленно возвращало свой привычный облик.

Как и предсказывал Инь Сюнь, с неба обрушились гигантские капли дождя, соткав исполинский занавес, накрывший весь мир. Ливень был так неистов, что Лу Цинцзю не слышал

даже тихого бормотания Инь Сюня и не видел, что случилось с алым свечением за дождевой пеленой.

Инь Сюнь, съёжившийся в углу, внезапно выпрямился и произнёс: «Бай Юэху вернулся».

На лице Лу Цинцзю мелькнуло удивление – он не ожидал, что тот вернётся так скоро. Выглянув наружу, он увидел за завесой дождя фигуру Бай Юэху.

Бай Юэху стоял за дверью и мягко помахал ему рукой, словно приглашая выйти.

«Ты куда-то собираешься? – голос Инь Сюня дрогнул от беспокойства. – Снаружи... кажется, очень опасно».

«Всё в порядке, – ответил Лу Цинцзю. – Там Бай Юэху».

Инь Сюнь открыл было рот, но замолчал. В конце концов он лишь позволил Лу Цинцзю отворить дверь и выйти. Слова Лу Цинцзю звучали разумно: если кому и суждено защитить его, так это Бай Юэху.

А сам он – всего лишь слабый горный бог.

Глядя, как Лу Цинцзю исчезает за порогом, Инь Сюнь горько усмехнулся.

Лу Цинцзю вышел во двор. Дождь всё лил, но, касаясь его тела, капли отскакивали, словно наталкивались на незримую преграду. Бай Юэху стоял у входа во двор. Его тёмные глаза тонули в ночи, и выражение их было неразличимо. Он смотрел, как Лу Цинцзю остановился перед ним, и протянул руку: «Пойдём со мной».

Лу Цинцзю кивнул и взял его за руку.

Вокруг них закружился вихрь. Тело Лу Цинцзю взмыло ввысь вместе с Бай Юэху. Когда они остановились, перед глазами предстала знакомая картина – гигантская яма.

Та самая яма, куда Бай Юэху приводил его и Инь Сюня, когда они рассказывали страшные истории. Но теперь она неузнаваемо изменилась.

В её краю зияла огромная дыра. Гигантский дракон, заточённый внутри, исчез, оставив после себя лишь лужу зловонной грязи.

«Он сбежал, – сказал Бай Юэху. – Он может прийти и найти тебя».

«Найти меня? – Лу Цинцзю вздрогнул. – Зачем ему я? Он хочет съесть меня?»

Даже если Бай Юэху считал, что этот дракон не убивал его родителей, это было лишь его мнением. К тому же, если дракон невиновен, зачем он принял столь жестокое наказание, не попытавшись оправдаться?

Дождь не утихал. Шум капель заглушал голос Бай Юэху. Лу Цинцзю показалось, или в его тоне прозвучала жалость? «Это лишь моё предположение... в конце концов...»

«В конце концов – что?» – спросил Лу Цинцзю.

«Ничего», – ответил Бай Юэху.

Лу Цинцзю почувствовал, что тот что-то скрывает. «Юэху, ты не договариваешь?»

Бай Юэху обернулся к нему и неожиданно честно признался: «Да». Он замолчал, затем прошептал: «Я не знаю, как тебе сказать».

Лу Цинцзю вздохнул. «Этот дракон очень силен?»

Его заточили в такую ловушку, вырвали глаза, и всё же он сумел выбраться.

Бай Юэху ответил: «Разумеется. Он оставался в заточении лишь потому, что сам не хотел уходить».

«Не хотел?» – переспросил Лу Цинцзю.

Бай Юэху помолчал. «...Он чувствовал, что совершил ошибку».

«Ошибку? Его заточили за то, что он съел моих родителей... – голос Лу Цинцзю дрогнул от горечи. – Зачем ему это было нужно?» Он вспомнил похороны. Тогда он ещё учился в университете, взрослый ребёнок. Смерть родителей заставила его повзрослеть в одночасье. Но если бы у него был выбор, он не желал бы такого взросления.

Бай Юэху открыл было рот, но снова умолк. Вместо слов он протянул руку и легко коснулся плеча Лу Цинцзю.

«Он хочет съесть меня?» – спросил тот.

«Я не знаю», – ответил Бай Юэху.

Лу Цинцзю горько усмехнулся. «Свет в небе... это был он?»

«Этот свет лишь отвлек меня, чтобы дать ему шанс сбежать, – снова вздохнул Бай Юэху. – Если бы он захотел уйти, он бы всегда нашёл способ».

Лу Цинцзю опустил глаза. «Что я могу сделать?»

«Не бойся, – сказал Бай Юэху. – Я защищу тебя».

Лу Цинцзю почувствовал разочарование. «Но разве не я должен защищать тебя? Что толку в такой защите? Я всего лишь обычный человек. Я не могу помочь тебе даже тогда, когда вижу твои раны».

Голос Бай Юэху стал мягче: «Нет, в тебе есть сила, о которой ты не догадываешься».

«Сила, о которой я не знаю?»

«Да».

Глядя в печальные глаза Лу Цинцзю, Бай Юэху мысленно добавил: «Но я надеюсь, тебе никогда не придётся о ней узнать».

Лу Цинцзю принял его слова за утешение. Он выдавил из себя улыбку и замолчал.

Бай Юэху редко говорил с людьми. Видя, как Лу Цинцзю, с болью в сердце, заставляет себя улыбаться, он не знал, чем утешить. В конце концов он лишь повернул голову и ободряюще поцеловал его в макушку.

Лу Цинцзю уставился на яму перед собой и замолчал.

«Вернёмся», – тихо сказал Бай Юэху.

Лу Цинцзю кивнул.

Бай Юэху доставил его домой, но мысли Лу Цинцзю были в полном смятении. Он не поприветствовал Инь Сюня, просто прошёл в свою комнату и лёг отдыхать.

Увидев его подавленный вид, Инь Сюнь собрался с духом и спросил Бай Юэху, что случилось.

«Заклочённый дракон сбежал, – спокойно ответил Бай Юэху. – Он может прийти за Лу

Цинцзю».

На лице Инь Сюня отразилось недоверие. «Что?! Сбежал? Как?» При мысли о том, что жизнь его друга под угрозой могущественного дракона, он запаниковал. «Цинцзю... с ним всё будет в порядке?»

«Я здесь», - ответил Бай Юэху.

«Я знаю... но...»

«Никаких „но“, - резко оборвал его Бай Юэху. - Пока я жив, я буду защищать Лу Цинцзю».

Инь Сюнь стиснул зубы. «Но сможешь ли ты быть рядом с ним вечно?»

«Почему нет?» - холодно спросил Бай Юэху.

Инь Сюнь ошеломлённо замолчал. Он чувствовал, что Бай Юэху не шутит.

«Уже поздно. Тебе пора вернуться и обновить благовония», - поставил точку Бай Юэху.

На улице всё ещё лил дождь, но Инь Сюнь предпочёл уйти. У него не было зонта, и он не мог укрыться от ливня, поэтому побрёл домой мокрый и жалкий. В деревне было тихо, как в могиле. Инь Сюнь толкнул дверь своего дома и увидел благовония, готовые погаснуть, и бесчисленные поминальные таблички.

Вглядываясь в них, он улыбнулся. Но улыбка его была страшнее плача.

Всю ночь шёл проливной дождь, словно небеса решили смыть все краски мира.

Лу Цинцзю сидел в спальне, не сводя глаз с чёрной, покрытой шрамами чешуи. Она, скорее всего, принадлежала тому гигантскому дракону из ямы. Что чувствовала его бабушка, решив сохранить этот осколок?

Неужели дедушка, которого никто никогда не видел, на самом деле был драконом? Но если так, зачем ему было пожирать собственное дитя и вершить эту непоправимую трагедию?

Лу Цинцзю не находил ответа. И некому было дать ему ответ.

Он поднял голову и взглянул в окно - там лишь тьма, укутанная завесой дождя. Ливень казался бесконечным, как в день смерти его родителей, когда обрушилась огромная гора. Люди на ней были так ничтожно малы, что даже поиск их тел превратился в горькую насмешку.

Грудь Лу Цинцзю сдавила острая боль. Он положил чешую между страниц дневника и убрал их в ящик прикроватного тумбочки. Деревянная шкатулка с кодовым замком снова была заперта. Наверное, её можно будет открыть лишь в день его рождения. К счастью, он уже успел вынуть всё, что было внутри.

Только к третьему часу ночи бессонный Лу Цинцзю наконец заставил себя погрузиться в сон. Однако качество этого сна было отвратительным. Ему даже снился тот заточенный в темнице дракон.

Рог дракона был сломан, но глаза остались целы – пара прекрасных, исполненных тьмы глаз. В этой черноте застыла печаль, когда он смотрел на Лу Цинцзю, будто видел в нём кого-то другого.

«Кто ты?» – во сне Лу Цинцзю не удержался от вопроса.

Черный дракон разинул пасть, показав, что половины языка у него нет.

«Ты... ты не можешь говорить?»

Черный дракон кивнул.

«Почему ты мне снишься? Ты хочешь мне что-то сказать?» Грань между сном и явью истончилась до того, что Лу Цинцзю уже не мог сказать наверняка: он бодрствует или всё ещё спит.

Черный дракон молчал, и печаль в его глазах нарастала. Он мягко толкнул руку Лу Цинцзю своим сломанным рогом – движение было невероятно бережным, словно он боялся вспугнуть.

Сердце Лу Цинцзю сжалось от боли. Он сам не знал почему, но внезапно подумал о Бай Юэху. Если его догадка верна, первоначальная форма Бай Юэху была точно таким же чёрным драконом. Он даже думать не смел, что Бай Юэху может стать таким. В этот миг в груди разлилась невыносимая, всепоглощающая боль.

Драконы – такие гордые создания. Как мог кто-то так жестоко ранить их? Они должны были быть легендарными существами, гордо парящими в небесах. Даже в смерти им следовало оставаться величественными.

«Я не понимаю, что ты хочешь сказать, я...» – Лу Цинцзю хотел добавить ещё что-то, но тут всё исчезло. Он очнулся от сна и увидел встревоженное лицо Бай Юэху.

«Тебе приснился кошмар», – сказал Бай Юэху.

Лу Цинцзю моргнул. Только сейчас он понял, что ему ужасно холодно, а лоб покрыт липким потом. «Мне приснился чёрный дракон», – тихо проговорил он.

Бай Юэху спокойно смотрел на него, не перебивая.

«Его рог был сломан, языка не было – совсем жуткое зрелище». – Лу Цинцзю попытался улыбнуться, чтобы показать Бай Юэху, что с ним всё в порядке.

Но Бай Юэху неожиданно сказал: «Не улыбайся».

Лу Цинцзю замер.

«Если не хочешь улыбаться – не надо. – Бай Юэху протянул руку и заключил Лу Цинцзю в объятия, своим тёплым телом согревая продрогшего Цинцзю. – Делай, что хочешь. Всё хорошо».

Лу Цинцзю выдохнул воздух, который так долго сдерживал, и закрыл глаза. «Я немного устал».

«Устал – спи. Я здесь».

Они спали на одной постели. Человек рядом крепко держал его, и в этом объятии, словно в тепле окоплодных вод, Лу Цинцзю снова почувствовал себя младенцем. Он закрыл глаза и скоро заснул. На этот раз снов больше не было – и не было чёрного дракона с печальными глазами.

Когда он проснулся наутро, дождь за окном уже прекратился. Солнце ярко сияло в голубом небе – снова тёплая весенняя картина.

Бай Юэху, лежавший рядом, исчез. Вероятно, уже ушёл на поля.

Казалось, это было самое обычное утро – настолько обычное, что проливной дождь и странные события вчерашнего дня казались фантастическим сном.

Если бы только всё это было сном. Лу Цинцзю сел и увидел, что из-за двери выглядывает Инь Сюнь. Друг улыбнулся ему, сверкнув тигриным зубом в уголке рта, – улыбка его была яркой, как подсолнух, повернутый к солнцу. «Цзю-эр, доброе утро».

«Утро». – Лу Цинцзю тоже начал улыбаться, заразившись весельем Инь Сюня. Справившись с чувствами, он быстро поднялся. «Что хочешь съесть?»

Инь Сюнь: «Всё хорошо, но хочется рисовой лапши с говядиной».

«Тогда будем лапшу. – сказал Лу Цинцзю. – Пойдём на поле, соберём свежих овощей».

«Хорошо», – с улыбкой согласился Инь Сюнь.

С обычного утра начался обычный день.

Автору есть что сказать:

Бай Юэху: Не грусти, давай съедим что-нибудь вкусное.

Лу Цинцзю: Ты даже готовить умеешь?

Бай Юэху: Как насчёт холодной закуски из Инь Сюня?

Лу Цинцзю: ...Я попробую?

Инь Сюнь: Умоляю вас обоих, ведите себя по-человечески, ву-ву-ву-ву-ву-ву.

Переводчику есть что сказать:

ессо: О нет, из этой шкатулки Цинцзю будет всю жизнь доставать разные артефакты! Я так думаю... и бабушка писала...

Надеюсь, разгадка тайны убийства родителей Лу Цинцзю не разочарует. А то мои мысли уже бурлят, множатся и рождают самые нелепые варианты! Вдох-выдох, вдох-выдох, расслабься и жди...